

© 2001 г., ЭО, № 5

О.В. Горшунова

ВНЕШНИЙ ОБЛИК УЗБЕКСКОЙ ЖЕНЩИНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (КОНЕЦ XIX – КОНЕЦ XX в.)

В данной статье речь пойдет о наиболее характерных особенностях внешнего облика современной узбекской женщины, которые можно заметить в ее одежде, головном уборе, косметике и украшениях. Внешний облик женщин-узбечек ранее специально не исследовался, но сведения о нем содержатся в трудах, посвященных традиционному костюму узбеков, который достаточно хорошо изучен и представлен в многочисленных монографиях и статьях этнографов¹.

Женскому костюму, его отдельным деталям, головному убору, украшениям уделено внимание в ряде специальных работ². Большинство авторов исследовали историю костюма, его локальные особенности. Для этих работ характерно изучение костюма как части материальной культуры. Духовный же аспект учитывался в них лишь в контексте определенных мировоззренческих представлений, связанных с древними верованиями и обычаями, запечатленными в деталях традиционной одежды и украшений. Наша задача состоит в том, чтобы проследить тенденции развития эстетических взглядов и этических норм, а также определить степень проникновения новых черт во внешний облик узбекских женщин и сохранения традиционных представлений о женской красоте. «Современными» применительно к региону нашего исследования мы называем этические и эстетические особенности, не свойственные «типичной» традиционной восточной культуре, а привнесенные в нее европейской культурой и возникшие в результате развития региона и модернизации общества.

В статье использованы материалы, охватывающие период с последней трети XIX в. Широкий хронологический диапазон позволяет проследить процесс трансформации эстетических взглядов с самого начала модернизации узбекского общества. Однако основной материал относится к 1970–1990-м годам, отмеченным рядом политических, социальных и культурных перемен, возрождением традиций и ислама.

Основой для написания статьи послужили полевые материалы автора, собранные в ходе этнографического исследования, опросов и личных наблюдений, проведенных в городах и сельской местности Ферганской долины, а также в результате работы с экспонатами фондов и архивными документами Ферганского областного краеведческого музея. Поскольку в данной статье предполагается исследование эволюции эстетических взглядов узбечки вообще, мы не ставили целью рассмотрение ее внешнего облика с точки зрения локальных особенностей. Однако следует оговориться, что при сравнительном анализе мы прибегли к костюму «ферганского типа», распространенному преимущественно среди узбеков-земледельцев (*сартов*).

Формирование традиционного идеала

Облик современной узбечки представляет собой некий синтез восточной и европейской, архаичной и современной культур, совмещающая в себе их элементы. Однако при этом ему в большей или меньшей степени присущ определенный «штамп», свидетель-

ствующий о наличии некоего общепринятого эталона, который проявляется в поведении, манере одеваться, выборе украшений и т.д.³ Представления об идеале женской красоты вырабатывались у узбеков в течение длительного времени и вобрали в себя элементы разных эпох, культур, религий.

Первостепенная роль в формировании облика узбечки принадлежит исламу. В Коране, Сунне и шариате содержится ряд предписаний, адресованных женщине⁴. Следует подчеркнуть, что предписания, касающиеся облика женщины, в мусульманских источниках связаны прежде всего с морально-этическим аспектом. Согласно исламскому учению, мусульманка должна стремиться к совершенству через воспитание в себе таких качеств, как преданность, покорность, скромность, терпеливость, стыдливость. В отношении принятого порядка поведения в Коране содержится ряд указаний, в том числе «потуплять свой взор», не проявлять эмоций (особенно любовной страсти), не демонстрировать наряды посторонним. Свои «прелести» и украшения мусульманка может показывать только ограниченному кругу лиц⁵. Наиважнейшие среди прочих добродетелей – целомудрие и невинность. С идеалом нравственной чистоты связан закон, обязывающий женщину носить покрывало, скрывающее ее лицо и фигуру. В Коране сказано: «О пророк, скажи твоим женам, дочерям и женщинам верующих, пусть они сближаются на себе свои покрывала. Это лучше, чем их узнают; и не испытывают они оскорбления»⁶.

Хотя ислам предписывал главное внимание уделять нравственной стороне женского облика, учение ислама обязывает замужнюю женщину заботиться и о своей внешней привлекательности. Идеалом нравственности, образцом для мусульманок служат образы жен пророка Мухаммеда – Хадиджи и Айши – и его дочери Фатимы, которые запечатлены в письменных источниках и устном народном творчестве. Большую роль в формировании этических и эстетических представлений мусульман сыграл суфизм, особенно суфийская поэзия. Эстетика суфизма провозглашает главным принципом отказ от материального, телесного во имя идеального, нравственного. Согласно суфийской эстетической доктрине, прекрасен только Бог, человек же красив внешне лишь тогда, когда он стоит у порога Всевышнего измученным, искалеченным, презренным, униженным⁷. В суфизме существуют строгие правила в отношении одежды. В ней не должно быть ничего лишнего, броского, эффектного, изысканного, нарядного. Воплощением идеалов суфизма среди женщин стала видная представительница школы аскетов Рабия-аль-Адавия, чьи идеи широко распространялись последователями суфизма⁸. Ее образ фигурирует в многочисленных легендах и нравоучительных историях. Центральный момент в этих повествованиях – идея о бескорыстной и всепоглощающей любви к Богу, во имя которой праведница отказалась от земного супружества: «Узы супружества спустились на меня. Я принадлежу не себе, но Богу и не должна быть неверной ему»⁹.

Однако суфийская поэзия позднего периода вышла за рамки теории об исключительности божественной красоты и превосходства духовного над телесным. Многие суфийские поэты воспевали Бога в образе женщины, изображали соединение с божеством как любовное слияние с женщиной, сравнивали веру в Бога с любовью к красавице, божественную красоту – с телесной женской красотой. Некоторые суфийские поэты продвинулись еще дальше, воспевая физическую красоту женщины, вознося ее до уровня божественной. Эти своеобразные взгляды, отличающие суфийскую поэзию от философии, разделяли и некоторые известные мыслители Востока, предводители суфийских орденов и рядовые суфии¹⁰. Эстетический идеал суфийской поэзии проникал в сознание широких масс и способствовал формированию определенных эстетических стереотипов, которые отражались в одежде, украшениях, косметике и т.д.

Определенные представления о женской красоте восходят к образам древних богинь. Археологические материалы указывают на то, что прототипами некоторых элементов традиционного костюма среднеазиатских женщин были одежды богинь плодородия, запечатленные в изображениях времен античности и средневековья. В

символике украшений, орнаменте тканей и вышивке одежды, головного убора, в традиционной косметике и прическе узбекских женщин прослеживаются элементы магии, культа плодородия и связанного с ним образа древней богини – покровительницы женщин¹¹. Большое влияние на формирование эталона женской красоты оказывала культура соседних народов – иранских, арабских, индийских и др.

Представления о женском идеале содержатся и в узбекском фольклоре – рассказах, сказках, легендах, притчах, эпосе. Женские образы в них наделены рядом качеств, которые дополняют круг добродетелей, определенных религиозным учением. Сказочные женские персонажи отличаются умом, находчивостью, бесстрашием. В фольклоре образ героини, олицетворяющей женский идеал, создается через описание ее внешних достоинств. Типичная сказочная красавица представляется «кипарисоподобной», «лунолицкой», «черноокой», с бровями, «подобными стрелам», щеками-«розами», «рубиновыми губами» и пр. Эти представления о внешней и внутренней красоте мифических, легендарных и сказочных женских персонажей нашли отражение во внешнем облике современных узбеков: в их поведении, манере одеваться, украшениях и т.д.

Европейский стиль

Вхождение в быт коренного населения принадлежностей костюма и других элементов русской культуры началось еще в XIX в. Европеизация быта вообще и костюма в частности происходила по мере того, как стали появляться города – центры русской культуры и увеличивалась численность славянских переселенцев, в процессе общения с которыми местные жители перенимали элементы европейской культуры. Благодаря расширению торгового обмена с Россией на местный рынок из России поставлялись различные виды тканей, одежда, обувь, платки, украшения и другие товары. Некоторые принадлежности русского женского костюма прочно вошли в быт и стали частью народной одежды узбеков. К ним относятся, например, пуховые и шерстяные платки. В сельской местности оренбургские платки до сих пор входят в комплект приданого.

Однако, несмотря на большой спрос на привозимые из России товары, распространение их в силу разных причин было ограничено. Для большей части населения они были недоступны из-за высокой (по сравнению с изделиями местного производства) цены. В основном местные жители покупали недорогие привозные ткани и платки. Кроме того, более интенсивному вхождению в быт предметов европейской культуры препятствовали предубеждения против европейской одежды и других предметов быта. Малейшие нововведения, исходящие от «неверных», расценивались радателями за мусульманские порядки и духовенством как нарушение законов шариата и «священных» обычаев предков.

Так, носить резиновые калоши вместо кожаных местного изготовления считалось грехом, поскольку на их подошве стояла фабричная марка, а всякие письма священные и топтать их ногами запрещено. Головной убор с козырьком нельзя было носить, потому что он, как считалось, мог помешать во время совершения молитвы. Особенно много предубеждений было связано с женской одеждой. Вошедший в моду высокий ворот женских рубаш получил в то время название «собачьего» (*ти яко*) и осуждался как нарушение покроя одежды, установленного самой праmaterью Евой¹². Осуждение вызывали и женские камзолы, которые в конце XIX в. начали вытеснять традиционные ватные халаты. Местные женщины избегали также носить ботинки из-за их сходства с сапогами, так как последние были принадлежностью исключительно мужского костюма. Такую обувь позволяли себе носить только женщины легкого поведения¹³.

Распространение европейского стиля в советское время было связано прежде всего с развитием экономики и промышленности, урбанизацией, усилением славянской миграции, вовлечением женщин в сферу производства, изменением положения женщины в семье. Определенную роль в этом играл идеологический момент: среди местного населения широко пропагандировались «советские» эталоны. Советская женщина, занятая

в производстве, образованная и «политически подкованная», независимая от мужчины и обладающая равными с ним правами, должна была придерживаться делового стиля в одежде, избегать свойственного традиционной культуре обилия массивных, ярких украшений и косметики. Этот образ активно внедрялся через средства массовой культуры и информации. Своего рода наглядным образцом служили европейские женщины, однако более действенным был пример местной элиты, придерживавшейся европейских стандартов в одежде и манере поведения. Как известно, местная элита советского времени большей частью формировалась из представителей высшего сословия*, которое являлось и является для основной массы населения образцом, достойным подражания¹⁴.

К концу советского периода отдельные виды европейской одежды получили широкое распространение среди коренного населения, вытеснив некоторые принадлежности традиционного костюма. Впрочем, полного вытеснения национального стиля не произошло. Среди местного населения одежда по-прежнему подразделяется на «русскую» и «национальную», причем последняя имеет гораздо более важное значение для основной массы коренного населения.

Отношение к европейской одежде и степень ее использования среди различных социальных групп неодинаковы. Почти полностью переняла европейский стиль только часть местной «обрусевшей» городской элиты – представительницы интеллигенции и женщины, занимающие руководящие посты в управленческих структурах. Однако и они используют европейский костюм чаще всего как профессиональную «униформу», а дома «для удобства» носят национальную одежду. В гардеробе большинства сельских женщин и девушек европейская одежда распространена значительно меньше. Наиболее консервативно в одежде старшее поколение, у которого уровень религиозного и этнического самосознания выше, чем у молодежи, и которому особенно присуще негативное отношение ко всему «чуждому».

Ограниченное влияние европейского стиля во многом объясняется наличием предубеждений по отношению к «русской» одежде и сохранением традиционных этических и эстетических стереотипов. Для большинства коренного населения приемлемы лишь те виды европейской одежды, которые отвечают народным эстетическим запросам и этическим нормам. Большое значение в выборе тех или иных принадлежностей женского наряда имеют форма и цвет. Среди местных женщин популярны яркие цвета и совершенно не пользуется спросом одежда бледных тонов. Выбор европейской одежды зависит и от ее покроя: не принято носить слишком открытое, укороченное или облегающее фигуру платье. Ношение отдельных видов европейского женского костюма, таких как брюки, шорты и т.п., сельскими девушками и женщинами исключено.

Кризис европейского стиля одежды, как и в целом европейской (русской) культуры, был отмечен в конце 1980-х годов в связи с подъемом этнического самосознания. В средствах массовой информации и во время публичных выступлений лидеры националистических и религиозных партий призывали местное население отказаться от «чужой» русской культуры и возвратиться к исконной, узбекской. Особое внимание было обращено на внешний вид молодежи и женщин. Имели место случаи публичного посямления, угроз и даже избиений девушек, одетых «по-русски». В указанное время многие мужчины и женщины, в том числе и из числа городской «обрусевшей» интеллигенции, стали носить традиционную одежду. Несмотря на то что эти требования нередко вызывали возмущение среди женщин и многие узбечки-горожанки высказывали опасения быть «загнанными под паранджу», далеко не все решались выходить на улицу в европейской одежде.

* У среднеазиатских народов, в частности у узбеков, до сих пор устойчиво сохраняется сословная градация, предполагающая наличие двух основных сословных групп: *ак* (белые) – высшее сословие и *кара* (черные) – низшее сословие.

В относительно недавнем прошлом в одежде, головном уборе, манере украшения и т.п. среди узбеков различных регионов обнаруживались существенные различия. Индивидуальные особенности были присущи внешнему облику оседлых земледельцев (*сартов*), кочевых и полукочевых узбеков (*кипчаков*, *карлуков* и др.), представителей высшего и низшего сословий. Тенденция унификации узбекского костюма стала проявляться в конце XIX в. В последующем столетии стирание индивидуальных локальных особенностей и формирование единого типа узбекского костюма происходили интенсивно, и к настоящему времени выработались довольно устойчивые черты современного узбекского костюма. В ходе этих процессов отдельные элементы локальных типов распространялись за пределы своего региона и оказывали влияние на формирование общеузбекской народной одежды¹⁵.

Изменения в женском костюме отмечались уже в конце XIX в. В советское время одни виды женской одежды вообще вышли из употребления, другие изменили покрой, распространение третьих резко сократилось. Женская одежда стала более демократичной. Трансформация традиционного костюма и изменение внешнего облика женщин были обусловлены не только развитием фабричного производства и влиянием европейских стандартов, но и повышением уровня благосостояния коренного населения. По сообщениям В. и М. Наливкиных, в XIX в. большинство женщин имели два-три комплекта одежды; несколько рубаш и халатов имели лишь женщины из состоятельных семей. На протяжении всей жизни женщины изнашивали не более двух-трех шелковых рубаш, которые надевали, посещая гостей. Одну из них невеста получала от родителей или мужа, выходя замуж, другую, а иногда и третью она шила, уже будучи замужем, на скопленные ею самой средства. Золотые украшения были редки и встречались лишь у наиболее богатых женщин¹⁶. В 1980–1990-х годах в приданое невесты входило (кроме современной одежды) не менее 10–15 комплектов традиционной одежды: платья, шаровары, платки, а также украшения из золота, серебра, драгоценных и полудрагоценных камней.

Среди исследователей существует мнение, что в Средней Азии бóльшая устойчивость традиционного костюма наблюдается у женщин¹⁷. С этим утверждением трудно согласиться. К примеру, у женщин-узбечек почти вышел из употребления халат (*чапан*), который был распространен в XIX столетии, в то время как у мужчин он по сей день является неотъемлемой частью гардероба. В сельской местности он служит основной частью повседневной одежды не только пожилых, но и молодых мужчин. Носят его, как и раньше, в любое время года: зимой он защищает от холода, летом — от жары. Мужчины любого возраста и социального положения надевают халат в торжественных случаях. То же самое можно сказать и о рубаше: мужская рубаша претерпела значительно меньше изменений за прошедшие 100 лет, чем женская. В последней изменились не только крой, материал, декоративные детали, но и предназначение. Если раньше женская рубаша являлась и платьем, и нательным бельем, то в настоящее время она полностью преобразовалась в платье.

Ритуальное покрывало. Как уже говорилось, в канонизированных источниках ислама среди прочих требований, предъявляемых к внешнему облику женщины, особое место занимает предписание о ношении ритуального покрывала. Обычай скрывать от постороннего взора лицо и фигуру имеет древние корни и связан с религиозно-магическими представлениями и *обычаем избегания*¹⁸. Причины, вызвавшие к жизни такой вид одежды, как паранджа, предполагает Н.П. Лобачева, заключаются в соединении древних представлений о необходимости укрывать женщину от возможной порчи («сглаза») с мусульманской тенденцией скрывать фигуру женщины от посторонних взоров. В период мусульманской реакции эпизодически носившиеся накидки превратились в обязательный элемент женского уличного костюма. Предположительно это произошло в XVII в.¹⁹

У среднеазиатских народов отношение к религиозно-этической норме, предпи-

сывающей ношение ритуального покрывала, и степень ее соблюдения были различными. Среди кочевых и полукочевых народов – киргизов, каракалпаков, туркмен, казахов и части узбеков – ношение покрывала не было распространено. Однако оседлые народы (таджики и большая часть узбеков) строго следовали религиозному предписанию. В наиболее исламизированных и консервативных районах Средней Азии нарушение этой нормы могло стоить женщине жизни.

Покрывало, которое носили женщины во многих районах Узбекистана, состояло из *чачвана* (густая сетка из черного конского волоса), поверх которого накидывалась *паранджа* – длинный халат из серой, либо темно-синей хлопчатобумажной или полушелковой ткани. Впрочем, паранджа была доступна не всем: маяоимущие женщины заменяли ее ватным халатом. Наиболее состоятельные женщины носили паранджу из бархата и других дорогих тканей, вышитых золотыми и шелковыми нитками, жемчугом и т.д. В каждом регионе и городе существовал свой особый способ ношения паранджи. По покрывалу можно было определить сословное происхождение, место рождения и проживания ее владелицы²⁰.

Исчезновение этой традиции стало одним из самых выдающихся событий минувшего столетия, которое не только разительно изменило внешний облик мусульманки, но и в корне подорвало морально-нравственную систему, на которой в прошлом строились отношения между полами в обществе и семье. Отказ от паранджи происходил довольно долго и болезненно.

Первые нарушения закона, предписывающего женщине носить покрывало в присутственных местах, наблюдались в конце XIX в. после отмены царской администрацией прежних порядков, предусматривавших карательные меры за отступление от религиозных норм. Однако двигали «нарушителями» различные стимулы, в частности недовольство прежней жизнью и желание ее изменить. Немаловажную роль сыграл тот факт, что в это время в Туркестане появились и обосновались славянские переселенцы (русские, украинцы, белорусы), которые были распространителями эталонов европейской культуры и феминистских настроений. Новыми идеями в то время были охвачены не только представители интеллигенции, но и часть местной аристократии и управленцев, служивших царской администрации. Часто в рядах «вероотступниц» появлялись женщины, оказавшиеся в тяжелых экономических условиях. В результате разразившегося при переходе к рыночным отношениям социально-экономического кризиса происходило разорение и обеднение мелких землевладельцев и ремесленников, что сказывалось на их семьях и на положении женщин, находящихся традиционно на попечении мужчин. Разорение семей нередко приводило к их распаду, и женщины вынуждены были самостоятельно искать источник дохода. Эта ситуация приводила не только к нарушению мусульманских норм, но иногда и к падению нравов. Часть женщин из обедневших семей зарабатывала себе на жизнь, занимаясь проституцией. По словам очевидцев, число женщин, появившихся в публичных местах с открытыми лицами, из года в год возрастало. Однако это явление было лишь относительно массовым и наблюдалось недолго. Большинство женщин коренных национальностей продолжало следовать закону шариата – отчасти из-за приверженности религии, а иногда из-за боязни посрамления. Нарушение этой нормы воспринималось как нечто противоестественное «не только в глазах сартов, но даже и в глазах тех русских, которые прожили в Туркестане долго и привыкли видеть сартянку на улице с закрытым лицом»²¹.

Согласно утвердившемуся в исторической науке мнению, поворотным моментом в истории женщин Узбекистана, приведшим к массовому отказу от паранджи, стали события 1927–1929 гг., когда по инициативе правительства проводилась акция под названием *Худжум* («наступление»). Кульминацией этой кампании стало публичное сбрасывание и сжигание паранджи²². Подготовка к «наступлению» длилась почти 10 лет и принесла свои результаты, о чем свидетельствует массовое участие в ней женщин. Однако покончить с этим обычаем не удалось. Избиения и убийства женщин – участниц акции, которые пострадали от рук своих мужей, братьев, отцов, – за-

ставили других остановиться. Из исторических хроник известно, что после этих трагических событий многие женщины отказались участвовать в движении, вернулись к обычному образу жизни и к тем нормам, от которых они готовы были раньше отказаться. Среди «раскрытых» (пользуясь терминологией тех лет) остались лишь жены партийных работников, причем далеко не всех²³. Провал акции был неизбежен, в силу того что власть не могла защитить женщин от физической расправы, общество не было готово воспринять новые порядки, а женщины – принести в жертву новым идеалам семейное и материальное благополучие (будучи в экономической зависимости от мужчин), а тем более свою жизнь.

Большинство узбечек отказались от паранджи лишь в послевоенное время, хотя еще в 1960-х годах многие пожилые женщины появлялись в публичных местах только с закрытыми лицами. В настоящее время обычай ношения покрывала имеет символическое значение и соблюдается в свадебном ритуале: во время религиозного венчания и свадебного торжества невеста не должна показывать своего лица. Вместо паранджи и чачвана во время свадебного торжества лицо закрывают белым покрывалом, платком или широким шарфом.

Одежда и обувь. Основным видом женской верхней одежды до конца XIX столетия были различные халаты. *Чапан* представлял собой стеганный ватный халат прямого покроя с длинными рукавами, который женщины носили в любое время года. Его наружная часть делалась из ситца, кумача, шелка, внутренняя – из домотканой хлопчатобумажной ткани. Более ранний вид халата – *мунсак* – с характерными короткими широкими рукавами уже в прошлом веке начал выходить из употребления и почти не встречался среди молодых городских женщин. Однако в сельских районах он оставался одним из основных видов верхней одежды женщин всех возрастов. Кроме халатов в зимнее время женщины из состоятельных семей носили шубы из овчины, меха лисы, дикой кошки и других натуральных мехов²⁴.

В настоящее время халаты (чапан, мунсак) и шубы почти полностью вышли из употребления. Их окончательно заменила зимняя и демисезонная одежда европейского стиля – пальто, плащи, шубы фабричного производства. Традиционный же женский халат в наши дни сохраняет ритуальное значение. В сельской местности и иногда в городах в приданое невесты входит халат из бархата или велюра, называемый *тон*²⁵. Невесты надевают его во время свадебного торжества, а затем он хранится как семейная реликвия.

Обычная повседневная одежда женщин в XIX столетии состояла из рубахи (*койнак*) и шаровар (*иштан*), которые также заменяли нижнее белье. Праздничные рубахи и шаровары шили из привозных тканей фабричного производства – кумача, ситца, шелка; повседневные – из однотонной белой или разноцветной полосатой хлопчатобумажной ткани местного кустарного производства. Своеобразие этим принадлежностям женской одежды придавала широкая узорная тесьма (*джиак*), которой обшивали низ шаровар и ворот рубахи. Рубаха практически полностью скрывала фигуру женщины, достигая щиколоток, а рукава ее были длиннее рук. Ходить без шаровар считалось крайне неприличным и даже грехом, поэтому эту принадлежность костюма еще называли *лязгим* («совершенно необходимое»). Девочкам шаровары надевали с двух-трехлетнего возраста²⁶.

Платье и шаровары по-прежнему являются основными предметами одежды сельских и большинства городских женщин. Внешний вид этих принадлежностей женского костюма претерпел значительные изменения главным образом благодаря тому, что в обиход прочно вошли ткани фабричного производства. Существенно изменился вид рубахи: «туникообразный» покррой (без шва на плече, с рукавами, пришитыми по прямой линии к основе рубахи) заменился «выкройным». Рубаха прошлого столетия дополнилась круглой или прямой кокеткой, воротником, другими деталями, заимствованными из европейской одежды, и приобрела значение платья. Будничные платья шьют из ситца, штапеля, сатина; праздничные – из шелка, бархата, крепдешина, «кристалла» (блестящий капрон) и других тканей. Платье из атласа с традиционным орна-

ментом имеет особое название – *атлас*. Шаровары шьют из тех же тканей, что и платья. Праздничные шаровары обычно комбинируют из двух видов тканей: верхнюю часть шьют из хлопчатобумажных, нижнюю – из дорогих нарядных. В сельской местности шаровары, как и раньше, украшают декоративной тесьмой, блестками, стеклян- ружом.

Хотя современная народная одежда стала значительно короче и менее консервативна, чем традиционная женская одежда XIX в., однако по отношению к ней продолжают сохраняться определенные этические требования. Низ современного национального платья обычно не опускается ниже середины голени, но обязательно закрывает колени. Длина рукавов платья зависит от времени года. В летнее время молодые женщины и девушки надевают платья с короткими рукавами. Платья с длинными рукавами (независимо от сезона) носят только сельские пожилые женщины. Наиболее эмансипированные горожанки в теплое время года носят платья без рукавов, но это, с точки зрения стереотипных взглядов, считается неприличным, а в сельской местности – недопустимым. Горожанки из среды интеллигенции и работающие в структурах управления носят шаровары дома. Для большинства же городских и сельских женщин шаровары – это обязательная часть одежды, которая используется как нижнее белье. В целом, несмотря на существенные изменения, рубаха и шаровары сохранили свой национальный колорит, характеризующийся яркой цветовой гаммой и свободным покроем.

Основными видами женской обуви в XIX столетии были кожаные калоши и *ичиги* (тип кожаных сапог без подметки и каблука). В летнее время калоши носили на босу ногу, зимой – поверх ичигов. В окрестностях города ичиги иногда заменяли белыми хлопчатобумажными чулками. Некоторые горожанки носили привозные (в основном из России) сапоги и ботинки, что считалось неприличным, поэтому большинство женщин отдавали предпочтение традиционной обуви²⁷. В настоящее время ичиги носят в основном пожилые сельские женщины. Калоши (резиновые) до сих пор являются повседневной обувью для сельских женщин всех возрастных групп, включая детей. В городах женщины носят в основном обувь фабричного производства современного сти- ля.

Головной убор. Наиболее устойчиво сохраняются традиционные нормы в отношении головного платка, являющегося обязательной принадлежностью женского костюма. Говоря о его значении в прошлом веке, В. и М. Наливкины отмечали, что «... утром первым делом встав с постели, женщины повязывали голову, некоторые из них даже спали в платке»²⁸. Ходить без платка считалось не только неприличным, но и грехом. Особенно большим грехом считалось находиться с непокрытой головой в помещении, где хранится Коран. Непростительно также было готовить или есть пищу без платка. Согласно поверью, ангел-хранитель отлетал от простоволосой женщины²⁹.

В сельской местности головной платок не утратил своего значения и в настоящее время. Выходить из дома с непокрытой головой по-прежнему считается неприличным. Платок носят в любое время года и дня, на работе, в гостях, на улице и дома. Даже во дворе своего дома женщина должна повязывать голову платком или косынкой. Это правило распространяется и на девочек, начиная с девятилетнего возраста. Среди городской интеллигенции такая норма почти не соблюдается. Сельские девушки, которые работают или учатся в городе, зачастую нарушают норму, строго соблюдаемую в сельской местности. Однако эти нарушения имеют место лишь в момент пребывания в городе – возвращаясь в кишлак, они повязывают голову платком, чтобы избежать осуждения со стороны односельчан и родственников. Ревностным отношением к этой норме отличаются женщины пожилого возраста, которые никогда не появляются на людях без платка.

Если ношения платка за последнее столетие в сельской местности сохранило за собой значение этической нормы, то сам платок и формы его повязывания претерпели значительные изменения. В прошлом веке платок, сложенный косынкой, либо просто накладывали на голову, либо повязывали. При выходе из дома поверх большого

платка (*румаль*) на лоб надевали небольшой (*дурача*), складывавшийся в виде полоски, из которой сооружался кокошник. В настоящее время так носят платок лишь пожилые женщины.

Пожилые сельские женщины носят два платка даже летом. Поверх легкого надевается большой платок – *чойшоб*, изготовленный из *маты* (хлопчатобумажной ткани кустарного производства), окаймленный вышивкой или тесьмой. Белый платок обязателен для женщин высшего сословия и/или *отынчей*. Иногда вместо платка используют кусок тюля. Концы чойшоба не завязываются, а скрещиваются и перекидываются через плечи. Пожилые женщины носят чойшоб во время посещения мазаров и совершения других религиозных ритуалов. В этих случаях концы платка не скрещивают, а оставляют свободно свисающими.

В повседневной жизни пожилые узбечки носят большие полушерстяные платки. Они служат не столько средством защиты от холода, сколько украшением, поэтому их надевают в любое время года. В помещении платок снимают, оставляя на голове только легкую косынку. Иногда большой платок обвязывают вокруг головы в виде чалмы. Девушки и молодые женщины носят большие платки лишь в холодное время, повязывая их «по-русски»: углы скрещивают под подбородком и завязывают сзади узлом. В домашней обстановке они обычно пользуются небольшими хлопчатобумажными или полушерстяными платками. Среди девушек более популярны блестящие косынки из легких, прозрачных тканей – капрона, шифона и др.

Традиционным головным убором, который популярен среди современных узбечек, является тюрбетейка (*тунни*). Правда, повседневно ее носят только дети и подростки. Девушки и молодые женщины надевают тюрбетейку во время праздников, народных гуляний. Изготовление и вышивка тюрбетеек с элементами традиционного украшения занимают значительное место среди рукоделия сельских женщин. Тюрбетейка больше, чем другие принадлежности костюма, сохранила свою первозданность, но ее современный вид изменился. Вместо растительных красителей сейчас используются яркие анилиновые краски. Утратило актуальность значение некоторых символов. Так, на свадебных женских тюрбетейках вместо соловья и розы, означающих на языке традиционной символики пару влюбленных, иногда изображаются мужская и женская фигуры или просто вышивается надпись «*келин – киев*» («невеста – жених»), а на детских и женских тюрбетейках – имя владельца. В прошлом на них нередко вышивались коранические изречения, служившие талисманами, в настоящее время обычно встречается лишь имитация арабской графики, которая является декоративным элементом.

Прическа и косметика. В XIX в. существовали более или менее устоявшиеся правила укладки волос. До рождения первого, а иногда и второго ребенка женщины заплетали волосы в четыре – восемь кос, позднее – в две косы. Волосы расчесывали на прямой пробор и укладывали по верхней части лба двумя большими фестонами³⁰. Отмечая склонность женщин XIX столетия к использованию разнообразных косметических средств и других способов украшения, В. и М. Наливкины подчеркивали, что эта «забота о внешнем благообразии и привлекательности является до некоторой степени нравственной обязанностью... которая кроме личных, субъективных стимулов и побуждений, зиждется еще и на религиозных основаниях. Шариат советует женщине заботиться о том, чтобы она нравилась мужу, и рекомендует ей для этой цели такие средства, как румяна, белила, усму, мушки, локоны и проч.»³¹.

Современные узбечки укладывают волосы разнообразными способами. Заплетание двух или нескольких кос распространено в основном среди девочек и подростков, девушки заплетают одну или две косы. Среди замужних женщин традиции заплетать две косы следуют только пожилые женщины. Молодые замужние женщины обычно собирают волосы в пучок, скручивают и укладывают их на затылке спиралью, используя для этого шпильки и заколки для волос.

Традиционно красивыми считаются длинные волосы. Коротко подстриженные волосы, с точки зрения эстетических стереотипов, некрасивы. Впрочем, такое отношение характерно главным образом для людей старшего поколения, однако именно они

активно влияют на формирование общественного мнения. Узбечки с коротко подстриженными волосами встречаются редко даже среди горожанок. Сельские девушки, стремящиеся выглядеть современно, иногда решаются укоротить волосы, но скрывают это от родных и соседок, нося платок. Стремление выглядеть современной и необходимость придерживаться традиционных норм иногда порождают своеобразные «компромиссные» варианты. В 1980–1990-х годах среди молодых женщин и девушек вошла в моду особая прическа: спереди волосы укладывались нетрадиционным способом (на подстриженную челку и пряди волос на висках делалась перманентная завивка), а сзади – традиционным (оставшаяся часть волос не укорачивалась и не завивалась, а укладывалась или заплеталась обычным способом).

В отношении цвета волос вкусы не изменились: наиболее красивыми считаются черные волосы. Осветлять волосы, как и раньше, не принято. Светлыми волосами наделялись отрицательные персонажи в устном народном творчестве, а в жизни рыжие и светлые волосы расценивались как недостаток³². Среди современных женщин широко практикуется окраска волос, для чего используют, как правило, растительные красители – хну, смешанную с басмой, реже применяют химические краски.

В настоящее время узбечки используют как традиционные, так и современные косметические средства. Наиболее популярное традиционное косметическое средство, употребляемое в городе и селе, – это *усма* – средство для окраски бровей, приготовляемое из сока одноименного растения (семейство крестоцветных). В сельской местности сохраняются прежние методы наложения макияжа. Наиболее красивыми считаются резко очерченные, широкие, сросшиеся над переносицей брови. При их окрашивании усма накладывается широкой полосой, идущей от наружного конца одной брови до наружного конца другой³³. Окраска бровей – один из древних способов макияжа, имевший символическое и магическое значение. Соединение бровей символизирует жизнь супругов в любви и согласии и используется как магический способ для достижения семейного счастья³⁴. Подобная окраска бровей характерна для сельских женщин, в городе она встречается реже. Окрашивание ногтей и ладоней хной к настоящему времени сохраняется лишь в сельской местности.

Отношение к самоукрашению как к нравственной, а точнее к супружеской, обязанности характерно и для современных узбечек. В сельской местности девушки одеваются очень скромно, но сразу же после бракосочетания они резко преображаются. Во время замужества и особенно в первые 40 дней после свадьбы (*чилля*) женщина должна носить самую нарядную и лучшую одежду, ярко и много украшать себя (с помощью косметики, ювелирных изделий и бижутерии), чтобы нравиться мужу.

Украшения, амулеты и талисманы. В прошлом многие виды украшений носили в качестве оберегов и талисманов. Первые использовались для изгнания злых сил, вторые должны были способствовать счастью, удаче, любви³⁵. В конце XIX в. наиболее распространенным украшением-талисманом являлись коралловые бусы, которые представляли собой массивную связку из нескольких нитей или сетку, спускавшуюся иногда до пояса. Ожерелье из коралловых бус было не только украшением, но и средством защиты от болезней. Другое популярное украшение – серебряные и позолоченные треугольники, декорированные гравировкой и полудрагоценными камнями. Ношение их, по представлению женщин, должно было способствовать счастливой семейной жизни, рождению многочисленного потомства и т.п.³⁶ С появлением ювелирной промышленности спрос на традиционные украшения значительно сократился. Однако изделия из золота, серебра, драгоценных и полудрагоценных камней (серьги, кольца, браслеты и др.) кустарного производства, выполненные в народном стиле, по-прежнему популярны среди местных женщин.

Сейчас некоторые украшения-талисманы вышли из употребления, изменили или утратили сакральное значение. В целом наблюдается функциональное разграничение: одни предметы используются как украшения, другие – как талисманы и обереги.

Современные амулеты и талисманы отличаются простотой материала и техники изготовления. Некоторые виды оберегов и талисманов широко используются как горо-

жанками, так и жительницами села. По своему функциональному назначению амулеты делятся на два вида. Одни из них должны оберегать от вредоносного воздействия человека, другие – от воздействия злых духов. Среди ферганских узбечек наиболее распространен *кузмунчак* (*куз* – глаз, *мунчак* – бусы) – амулет, имитирующий глаз рыбы. Он делается из стекла черного цвета с белыми вкраплениями. По древним представлениям, глаз рыбы защищает от «дурного глаза» человека. Говорят, если человек, обладающий способностью к сглазу, посмотрит на кузмунчак – с последнего исчезнет белая крапинка. Кузмунчак носят на видном месте как браслет или ожерелье. Считается, что он защищает от сглаза не только людей, но и предметы. Бусины кузмунчака пришивают к дорогой одежде, тюбетейкам и ялаткам, закрепляют на золотых украшениях – серьгах, ожерельях и т.п., чтобы избежать потери, кражи, порчи (что также может быть следствием сглаза).

Наиболее популярным амулетом, оберегающим от злых духов, является *дуляна* – бусины, вырезанные из древесины боярышника, или семена гвоздики, нанизанные на нитку. Согласно народному поверью, духи не любят запаха этих растений. В отличие от кузмунчака дуляна скрывают под одеждой. Бусину или связку семян гвоздики женщины обычно пристегивают булавкой к платью с изнанки в области груди.

В качестве талисмана распространены *тумары* треугольной формы, изготовленные из различных материалов. Иногда их делают из ткани в виде треугольного мешочка с различным содержимым: шестью мелкими камнями, семенами шести видов растений, клочком бумаги с изречением из Корана. Последний вид тумара используется с целью профилактики, а иногда и лечения различных болезней. Тумары также сплетают из нитей. При изготовлении их читается молитва или произносится заклинание на каждый завязанный узелок. Вырезанный из ткани или сплетенный из ниток треугольник пришивается на тюбетейку, платок или платье. Иногда тумар соединяют с дуляной и кузмунчаком: в таком виде он служит одновременно амулетом и талисманом.

Основываясь на изложенных выше материалах, можно сделать вывод, что в современном облике узбекской женщины доминируют элементы традиционной культуры. Это свидетельствует об устойчивости народных эстетических представлений, которые в большинстве своем тесным образом связаны с этическими нормами. Причины устойчивости эстетических представлений разнообразны. Среди них прежде всего следует отметить сохранение старого уклада жизни, максимально обеспечивающего процесс преемственности этических и эстетических норм. Выбор одежды и стиля не всегда зависит от вкуса и желания женщины. В родительской семье бюджетом, как правило, распоряжается глава семейства, а покупки с его согласия делают старшие женщины семьи, которые ориентированы на традиционные нормы. Для замужних женщин помимо авторитета свекрови имеет значение мнение мужа. Мнение девушек и замужних молодых женщин учитывается лишь в том случае, если оно вписывается в рамки привычных этических и эстетических норм.

В советское время сохранению прежних идеалов, в том числе связанных с этическими и эстетическими представлениями, способствовали развитие и культивирование этнической культуры на государственном уровне, ее широкая пропаганда через театры, кинематограф, издательскую продукцию, учебные программы по изучению литературы и искусства своего народа и т.д. Развитие местной легкой и ювелирной промышленности, ориентированной на изготовление национальной одежды и украшений, также явилось существенным фактором, способствовавшим сохранению и развитию своего стиля в одежде, украшениях и в целом во внешнем облике узбекской женщины.

Примечания

¹ *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма: Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент, 1978; *Борозна Н.Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975; *Григорьев Г.В.* Тус-туппи: к истории народного узора Востока // Искусство. 1937. № 1; *Кармышеви Б.Х.* К вопросу об украшениях из птичьих

перьев у народов Средней Азии и Казахстана // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989; *Лобачева Н.П.* Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1979 и др.

² *Рассудова Р.Я.* К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) // Полевые исследования Института этнографии. 1979 г. М., 1983; *ее же.* Женские головные платки населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса (XIX – начало XX в.) // Там же. 1980–1981 гг. М., 1984; *Лобачева Н.П.* К истории среднеазиатского костюма (женские головные халаты-накидки) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1965. № 6; *ее же.* О чем может рассказать головной убор // Азия и Африка. 1996. № 3; *Сазонова М.В.* Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989; *Бижанова М.А.* Одежда узбеков Ташкента XIX – начала XX в. // Костюм народов Средней Азии и др.

³ Исследованию общих черт в одежде и украшениях разных народов среднеазиатского региона и истории формирования среднеазиатского типа одежды посвящена специальная работа: *Лобачева Н.П.* О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана.

⁴ Подробнее об этом см.: *Логанова Б.-Р.* Канонический идеал женщины в исламе // Женщина и свобода. М., 1994.

⁵ Коран. 24:31.

⁶ Там же. 33:59.

⁷ *Курбанмаматов А.* Эстетическая доктрина суфизма. Душанбе, 1987. С. 17.

⁸ *Сухарева О.А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960. С. 49.

⁹ *Цветков П.* Исламизм. Т. IV. Ашхабад, 1912. С. 130.

¹⁰ *Вяткин В.Л.* Ферганский мистик Девонайи – Машраб // Сб. Туркестанского восточного института в честь А.Э. Шмидта. Ташкент, 1923. С. 28.

¹¹ *Пугаченкова Г.А.* К истории паранджи // СЭ. 1950. № 3; *Лобачева Н.П.* К истории паранджи // Этнограф. обозрение. 1996. № 6.

¹² *Сухарева О.А.* Ислам в Узбекистане. С. 74.

¹³ *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщин туземного оседлого населения Ферганской долины. Казань, 1886. С. 96.

¹⁴ Интересны сведения об отношении представителей низшего сословия к одежде высшего сословия, приведенные Р.Я. Рассудовой. Она сообщает, что мужская рубаха *мусульмон куйнак*, которую носили главным образом представители высшего сословия, согласно бытующим среди местного населения представлениям, способствовала усвоению исламской веры и ее сохранению, «в чем особенно нуждались именно кара». Этим и объясняется, пишет автор, то, почему курама, каракалпаки, кипчаки и др. старались чаще носить эту рубаху. Тем не менее «любимой, закаляющей, делающей отважным и мужчиной» у них, как и у сартов и таджиков из кара, являлась распашная рубаха – *яктак* (ее носили только кара. – О.Г.) (*Рассудова Р.Я.* Сравнительная характеристика мужской одежды населения Ферганско-Ташкентского региона (XIX–XX вв.) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. С. 145).

¹⁵ На этот процесс, в частности, указывала М.В. Сазонова. Она пишет, что сложение общеузбекского типа «выразилось в изменении типа женской рубахи-платья» в Хорезме, приближающегося к типу ташкентско-ферганской рубахи, проникновению формы ферганской тубетейки (*Сазонова М.В.* Указ. раб. С. 90).

¹⁶ *Наливкин Н., Наливкина М.* Указ. раб. С. 98–99, 106.

¹⁷ *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. С. 140.

¹⁸ *Кисляков Н.А.* Свадебные лицевые занавески таджичек // Сб. МАЭ. Т. XV. Л., 1953. С. 310, 312; *Лобачева Н.П.* К истории паранджи. С. 89.

¹⁹ *Лобачева Н.П.* К истории среднеазиатского костюма... С. 44.

²⁰ *Наливкин В., Наливкина М.* Указ. раб. С. 96–97.

²¹ Там же. С. 238.

²² *Аминова Р.Х.* Из истории раскрепощения женщины Средней Азии // История СССР. Ташкент, 1962. № 2; *Пальванова Б.П.* Эмансипация мусульманки: опыт раскрепощения женщин Советского Востока. М., 1982; *Умурзакова О.П.* «Худжум» и становление новых семейно-бытовых традиций // Обществ. науки в Узбекистане. 1987. № 5 и др.

²³ Протокол Ферганского окружного женотдела «О ходе кампании по раскрепощению женщин» от 8 сентября 1927 года // Компартия Узбекистана в борьбе за решение женского вопроса в период строительства социализма (1917–1937). Сб. документов и материалов. Ташкент, 1977. С. 202, 204.

²⁴ *Наливкин В., Наливкина М.* Указ. раб. С. 97.

²⁵ В древнетюркских языках *тон* – одежда, шуба. В диалектах некоторых современных тюркских языков так называют верхнюю одежду вообще или халат, главным образом мужской. *Абрамзон С.М.* Указ. раб. С. 148.

²⁶ *Наливкин В., Наливкина М.* Указ. раб. С. 94–95.

²⁷ Там же. С. 94.

²⁸ Там же. С. 92.

²⁹ Там же. С. 95, 104.

³⁰ Там же. С. 92.

³¹ Там же. С. 104.

³² Там же. С. 90.

³³ Там же. С. 104–105.

³⁴ *Кармышева Б.Х.* Указ. раб. С.40.

³⁵ *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма... С. 117–120.

³⁶ *Наливкин В., Наливкина М.* Указ. раб. С. 105–106.

O.V. G o r s h u n o v a. The Image of an Uzbek Woman: Evolution of Aesthetic Representations (end of 19th – end of 20th centuries)

Traditional representations of an ideal Uzbek woman, and her image as a blend of local traditions with elements of European culture are the focus of O. Gorshunova's comparison of the 19th-century woman dress, headgear and cosmetics with contemporary aesthetic views and ethic norms. The causes of traditional feminine beauty canon stability and the introduction of European fashions into the life of the Uzbek woman are also described.

© 2001 г., ЭО, № 5

В.Л. О г у д и н

ИЗОБРАЖЕНИЯ В ГРОТЕ КАТТА-КАМАР

Привходовые части пещер, гроты, ниши и скальные навесы служили человеку укрытием с древнейших времен четвертичного периода. В них устраивали как временные (летние) охотничьи базы (при сезонных миграциях), так и постоянные жилища, защищавшие от зимних холодов. Особое предпочтение отдавалось гротам с входами, обращенными к юго-востоку и югу, прогревавшимися солнцем в течение большей части светового дня¹.

Каменные орудия и кости, обнаруживаемые в Средней Азии на местах стоянок древних людей, практически не дают сведений о духовной культуре населения древнейших времен (палеолит, мезолит, начальная часть неолита). Исключение – захоронение неандертальского мальчика в гроте Тешик-Таш (юго-западные отроги Гиссарского хребта), где сохранились следы похоронного ритуала².

Тем не менее существование мест, особо значимых для среднеазиатского населения каменного века, подтверждается находками изображений, выполненных охрой в гротах Шахты³ (Горный Бадахшан) и Зараут-Камар (Гиссарский хребет)⁴. Рисунки отражают сцены загонной охоты и магико-анимистические приемы воздействия на ситуацию (например, изображение стрел или копий, направленных в сторону животного, а также проткнувших его). В мировой практике места с подобными изображениями общепризнаны первобытными святилищами.

Изображения, подобные шахтыным и зарауткамарским, были обнаружены мною в 1969 г. в гроте Катта-Камар (Южная Фергана). Только вместо сцен охоты там на стене грота представлена бытовая сцена явно культового содержания⁵. Среди разновременных рисунков в Средней Азии эта картина – единственная в своем роде, поскольку первобытный художник обстоятельно запечатлел некое событие, важное для жизни его племени.